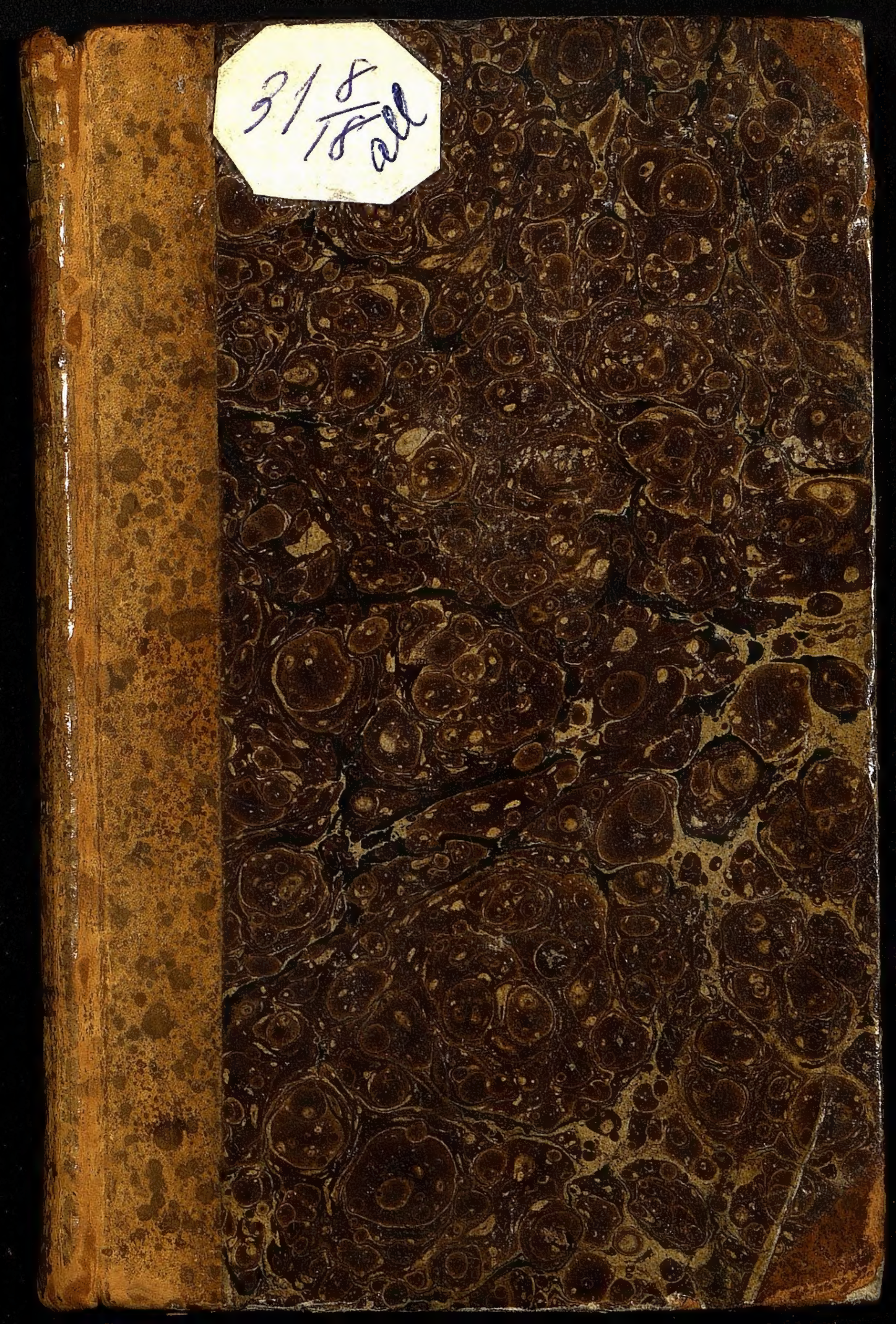

31 8/18 all

31 $\frac{8}{18}$ all

РУКОПИСЬ

ПОКОЙНАГО

КЛЕМЕНТІЯ АКИМОВИЧА

ХАБАРОВА,

СОДЕРЖАЩАЯ РАЗСУЖДЕНІЕ О РУСКОЙ АЗБУКѢ, И БІОГРАФІЮ ЕГО, ИМЪ САМИМЪ ПИСАНУЮ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ПОРТРЕТА, И СЪЁМКА СЪ ПОЧЕРКА СЕГО ЗНАМЕНИТАГО МУЖА.

Non lo conobbo il mondo.

PETRARCA.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.

M. DCCCXXVIII.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюня 28 дня, 1828 года. Цензоръ *Сергѣй Глинка.*

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУБЛИКОЮ.

Я Евгеній Трешейской, покуда не уличили меня добрые пріятели, признаю́сь торжественно и добровольно, что написалъ ето предисловіе въ подражаніе хитроумному автору забавнаго Евгенія Вельскаго.

Вмѣсто разговора съ книгопродавцемъ разговоръ съ публикою.

O IMITATORES!

Я. Милостивая государыня! добрая страстотерпица публика! почтенная благодѣтельница! предлагаю вамъ, матушка, книжку новую.

Публика. Кто ты?

Я. Евгеній Трейтейской.

Публика. (*Зѣвая*:) Евгеній?... уже есть... Евгеній Вельской. (*Зѣваетъ*.)

Я. Но, матушка, моя единственная благодѣтельница! то Евгеній Вельской, а я Трейтейской! Прочти мою книжку! Посмо-

три, какъ хорошо она напечатана! Настоящими французскими, парижскими чернилами; литеры новыя, портретъ автора, его fac simile. . . разговоръ.

Публика. Ненадо! ненадо! Меня уже много обманывали этими французскими чернилами, и портретами.

Я. Какъ угодно, благодѣтельница и заступница моя. . . Но я не отстану—вотъ моя книжка—прочтите ее. . . прочтите.. прочтите!

ВМѢСТО РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ РАЗСКАЗЪ ВЪ ПРОЗѢ.

ГЛАВА I.

Вѣ 1801 году, я возвращался сѣ макарьевской ярмонки. Я. .. угодно ли вамѣ знать: кто я? Я и теперь тоже, что былѣ тогда... отставной студентѣ. Занимаюсь литтературою, древнею и новою, философіею, богословіею, всѣми науками и искусствами; знакомѣ со всѣми учеными, со всѣми литтераторами, типографщиками, переплетчиками, книгопродавцами, бумажными фабрикантами и любителями пріятнаго и полезнаго чтенія. Но ето обширное знакомство, не мѣшаетѣ мнѣ заниматься настоящимѣ моимѣ дѣломѣ. . а настоящее мое дѣло: промыселѣ книжный! Я книгопродавецѣ—кочующій.

II, III, IV, V, VI, VII, VIII,

IX, X, XI. XII

Я очень знаю, что теперь не вѣ модѣ большія главы, и что не надобно порядка

вѣ нумераціи главѣ. . Знаю—за то вотѣ вдругѣ глава XII-я!

Ето право лучше стариннаго порядка!... Божусь! наши старики никакѣ бы не связали главу первую сѣ двѣнадцатою! А для насѣ ето ничего не стóитѣ. .

Вы знаете, кто я—такѣ слушайте же продолженіе первой главы. Вѣ 1801 году я возвращался сѣ макарьевской ярмонки.— Счастливое время! Какѣ я тогда былѣ веселѣ, безпеченѣ! Я, все тотѣ же отставной студентѣ: волосы мои не сѣды, (потому что я ношу парикѣ): но все не то! все не то, что тогда было! Я устаю всходя на лѣстницу—голосѣ мой немножко дрожитѣ; глаза *не смотря на очки* и смотря вѣ очки плохо видятѣ! —

Старость! старость! — — — — — —

. . . . . . — — — . . . . . — —

XIII.

— — — — — — — — — —

— — — — — — — — — —

. . . .

XIV—XV.

XVI.

Ети тире и точки также имѣютѣ свои пріятности. Добросовѣстный читатель

подумаешѣ, что тире и точки замѣнили какую нибудь свѣжую, яркую, смѣлую мысль, непропущеную цензоромѣ; читатель таинственный пустится вѣ догадки: *что бы значили* эти тире? Не скрывается ли тутѣ какого умысла? . . и пр. пр.

Я откровененѣ—и говорю (сѣ откровенностію автора Ев. В..) что наши точки, наши тире поставлены *такъ*. . не для чего.... а потому, что тире и точки имѣютѣ свои приятности, и безѣ нихѣ не бываетѣ вѣ наше время поемѣ и романовѣ. Вотѣ вамѣ и еще — — — — — —
и . . . .
— — — — — — — — — — —
. . . .

XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII.

XXXIII.

Я вошелѣ на постоялый дворѣ. .

«Ей! хозяйка! принеси самоварѣ! Живо!» Такѣ закричалѣ человѣкѣ, имѣвшій приятную наружность. Онѣ былѣ вѣ сѣромѣ сертукѣ—вѣ желтыхѣ нанковыхѣ брюкахѣ—на бѣлый жилетѣ полосами прилегла

дорожная пыль — подлѣ него лежала кожаная сумка для бумагъ—зеленый сафьяный картузъ, и корневая трубка съ коротенькимъ чубукомъ. . . . Онъ сидѣлъ спиною къ окну, прямо противъ двери, въ которую я вошелъ.

XXXIV.

Мы обмѣнялись поклонами. . . . и знакомство наше получило прочную основу. .
— — — — — — — — — — —
. . . .

XXXIX.

Самоваръ затихъ—только прыгали пузырьки изъ подъ опрокинутыхъ чашекъ. . Бѣлая кошка усѣлась на полу противъ насъ, и пристально смотря на чайный приборъ, мяукала жалобно и томно. . Я сидѣлъ *повѣся* голову. . . Онъ сталъ рыться въ кожаномъ мѣшкѣ.

XL.

Зашумѣла бумага. Онъ вытащилъ изъ сумки тетрадку и сталъ ее перелистывать. . Я *поднялъ* свою голову. . . и сдѣлался его соглядатаемъ. — — —

Лице его приняло вдругъ самое жалостное выраженіе — лобъ сморщился какъ листъ кочанной капусты. . . .

У всякаго свое горе! подумалъ я. Бѣднякъ вѣрно принадлежитъ къ огромной семьѣ горемычныхъ.

XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI. XLIX.

Мы ѣхали до самой Москвы, все вмѣстѣ. . . . Отъ Перова представилась она жаднымъ взорамъ нашимъ и взоры наши не могли насытиться глядя на величественную. . . Свободный разговоръ о томъ, о семъ, о всемъ, невольно настроилъ души до самыхъ завѣтныхъ откликовъ. . . Я узналъ жизнь его—узналъ, что книга въ кожаномъ мѣшкѣ, которую онъ читалъ съ такою выразительною горестію, называется: новѣйшая руская азбука... его сочиненіе—плодъ долголѣтнихъ соображеній — единственное дитя его литтературныхъ вдохновеній.

L.

И въ Москвѣ мы стали жить вмѣстѣ. Я оставилъ свой промыселъ —пересталъ кочевать по уѣздамъ — и сѣлъ въ его

книжную лавку. Добрый человѣкъ! Онъ полюбилъ меня. . . Извините! Воспоминаніе!.. Слеза!....

LII, LIII, LIV.

LV.

Въ Февралѣ 1803 года онъ занемогъ — Докторъ тотчасъ сдѣлалъ ему изъ простой простуды неизлѣчимую чахотку.— За мѣсяцъ до смерти своей, онъ призвалъ меня къ себѣ. Могильное спокойствіе уже водворилось на лицѣ его — блѣдномъ, но пріятномъ.

LVI.

«Евгеній! сказалъ онъ мнѣ, я умру! Умру скоро! Ты мой наслѣдникъ! Не кланяйся, а слушай.—Требую отъ тебя одного — чтобъ ты издалъ въ свѣтъ эту рукопись. (Онъ указалъ мнѣ на извѣстную тетрадь.) При ней есть моя біографія. Чтобъ изданіе соотвѣтствовало важности содержанія, можешь прибавить хорошинькое предисловіе, сообразное со вкусомъ времени. Но этаго мало. Приложи къ сочиненію мой портретъ, и сьёмокъ съ моего почерка. Напечатать въ лучшей типографіи не жалѣя бумаги — француз-

скими чернилами, а портретъ нельзя ли будетъ выгравировать въ Вѣнѣ? Но приступить къ изданію черезъ 25 лѣтъ со дня моей смерти — черезъ 25 лѣтъ, не прежде! слѣд. въ 1828-мъ году!

LVII.

И его не стало въ Іюлѣ мѣсяцѣ. — Я схоронилъ остатки его на даниловскомъ кладбищѣ. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи — такъ завѣщалъ онъ, бесѣдуя со мною о близкой смерти своей. Желанія умирающихъ священны!

LVIII.

Прошло 25 лѣтъ!.. Онъ умеръ въ 1803 году, теперь 1828.,. Исполняю завѣщаніе моего благодѣтельнаго друга. Вотъ его біографія, его портретъ, его fac simile, и его азбука. Кажется я исполнилъ то, чего онъ желалъ! Не правда, ли почтенная благодѣтельница, покровительница публика? Бумага усачевская, чернилы настоящія парижскія — предисловіе въ нынѣшнемъ вкусѣ, а портретъ печатанъ въ литографіи художника. . . который бывалъ въ Вѣнѣ.

Какая разсѣяность однакожь! Я еще не сказалъ, кто онъ, етотъ благодѣтельный другъ мой! Извините: онъ назывался Клементій Якимовъ Хабаровъ, а что онъ былъ—кто онъ былъ—что дѣлалъ на етомъ свѣтѣ, разскажетъ онъ самъ въ своей біографіи.

Евгеній Третейской,

кочующій книгопродавецъ.

1828 года,

Іюня 26 дня.

Любезный друг, Евгений Кирилович!

Убежденный здравым разсудком, в несомненной пользе, которую принесет Российскому слову сочинение мое, прошу тебя, издать в свет сию рукопись, по прошествии 25^ти^ лет, после смерти моей.

Клементий Хабаров

1802го года,

Июня 25го дня

на бутырках

ЖИЗНЬ

К. А. ХАБАРОВА,

ПИСАНАЯ ИМЪ САМИМЪ.

Non omnis moriar...

Нов.

Я считаю себѣ... сорокъ, сорокъ одинъ, или сорокъ два года, не болѣе.. слѣдовательно, я родился... въ 1763 или 1764 или 1765 году... такъ! Впрочемъ, не знаю навѣрное: не помня ни отца, ни матери, и никого изъ родныхъ, простительно незнать, въ которомъ году я родился, гдѣ я родился и кто меня крестилъ.

Етотъ маленькій недостатокъ въ моей біографіи, нимало не тревожитъ меня, потому что нѣтъ никакой пользы знать годъ, мѣсяцъ и число своего рожденія.. Ето пустое обыкновеніе закоренѣлая привычка людей, также полезна, для каждаго изъ насъ, какъ истлевшая расходная книга давнихъ временъ. Я никогда не писалъ и не пишу расходовъ: деньги приходятъ и уходятъ своимъ порядкомъ—такъ и жизнь: считаемъ ли мы ее, или не считаемъ,

приходитъ, идетъ и уходитъ—своимъ порядкомъ!

Опять не моя вина, что я не знаю, какъ назывались мои предки, кто былъ отецъ мой... Какъ быть! жалѣть о томъ безполезно—я какъ Шлецеръ, думаю, что весь свѣтъ есть одно великое семейство... и что мужикъ съ родни Гапсбурскому двору, но, если хотите непремѣнно, чтобъ я указалъ вамъ своихъ предковъ—я скажу: мой прародитель Адамъ, а вы, любезный или почтенный читатель, мнѣ близкій родственникъ; довольно ли съ васъ?

Когда моя мыслительная сила была еще *безсиліе*, и я дѣйствовалъ только однимъ осязаніемъ—тогда, разумѣется, я ничего не понималъ. Что мелькало передъ глазами—на какіе звуки откликалась моя машина—не помню.. разумѣется! Но вотъ что залегло въ мою память: маленькій домикъ (на Шабаловкѣ), дворикъ, садикъ, женщина повязаная розовымъ платкомъ.... мужчина въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ..... и еще.. но какъ будто во снѣ, помню, человѣка въ красномъ плащѣ... книги подъ столомъ, гдѣ я ползалъ... акаціи передъ окнами. Женщина съ розовымъ платкомъ кормила меня—я ее очень помню.—Етотъ первый отпечатокъ на памяти моей случился вѣроятно на 3 году отъ моего рожденія.

Я откликался на слово: Клемя! но слова: папа, мама, тятя, тётя никогда не касались моего слуха. Вѣроятно, ети люди, которыхъ схватила на первыхъ порахъ моя память, — были

шакже чужіе для меня—и принимали участіе по денежнымъ убѣжденіямъ.

Помню, будучи уже лѣшъ 4, 5, чшо мужчина вь свѣшло-зеленомъ мундирѣ, кошораго звали бариномъ, и Якимомъ иванычемъ, обыкновенно очень рано уходилъ со двора, возвращался къ обѣду, пошо́мъ садился къ окну, передъ сшоликомъ и писалъ. У него была жена—сердишая, бранчивая,—она часшо сѣкла меня... Богъ знаешъ за какія вины, шолько вѣрно понапрасну: я не помню, *за что́* меня наказывали. У насъ обыкновенно бьюшъ и сѣкушъ ребенка, если онъ не спишъ, когда его уложашъ въ посшель; если уронишъ сшаканъ, разольешъ молоко, или не смѣешся когда ему приказываюшъ смѣяшься... забавно! какъ будшо ребенокъ понимаешъ, чшо сшекло ломко, чшо онъ *долженъ спать*, когда ему не хочешся спашь.. Взрослые люди всегда шоропяшся приноравливашь свои дѣшскія поняшія къ машинкѣ двигающагося живошнаго, кошорую мы называемъ, младенцемъ, и ребенкомъ.. За шо еши взрослые люди, еще болѣе сердяшся на шого же ребенка, сдѣлавшагося уже человѣкомъ, если онъ опередилъ ихъ своими поняшіями о вещахъ, о всемъ видимомъ, и посшигаемомъ разсудкомъ.

Не помню первыхъ уроковъ — но какъ будшо вчера случившееся, памяшь моя сохранила, какъ я сидѣлъ у ногъ сердишой жены Якима иваныча, и шянулъ въ слѣдъ за нею: азъ нашъ глаголь есшь ге, анге, люди еръ—Ангелъ—буки люди азъ ла, бла; глаголь онъ го, благо; добро азъ

да, благода, швердо ерь-шь, благодашь, и пр. . . Какъ она меня колошила по головѣ, какъ она брыкала меня ногами, какъ сѣкла, и сшавила на колѣни съ азбукой намокшей ошъ слезъ моихъ. Помню и часшые споры ея съ мужемъ за меня. Онъ говорилъ, чшо не хорошо бишь ребенка, особливо по головѣ; а она швердила, чшо я безпоняшный мальчишка, и не хочу учишься изъ одного упрямсшва. Богъ ей судья! Исшино не знаю, чего она ошъ меня хошѣла, засшавляя корпѣшь половину дня надъ изорванною книжонкою, и указывая на уродливыя каракульки, ошъ кошорыхъ у меня песшрѣло въ глазахъ, распѣвашь съ нею: азъ нашъ глаголь есшь ге, анге, люди ерь, Ангелъ? . Чшо ей казалось шакъ легко, и поняшно, и ясно—для меня было непосшижимою загадкою. Поняшія мои спали глубокимъ сномъ, и засыпали все крѣпче и крѣпче ошъ розогъ, крику, шолчковъ и брани.

Однажды, въ лѣшнее ушро, кажешся въ Іюнѣ, моя сердишая насшавница нарядила меня въ новинькое бѣлое канифасное плашье, дала въ руки красный сафьяный каршузъ, шросшочку съ шелковымъ шнуркомъ, съ золошыми кисшями, и сказала, чшо ученье мое кончилось. . чшо я пойду гуляшь съ Якимомъ иванычемъ. Не умѣю выразишь шогдашнихъ ощущеній моихъ. Эшо была *первая радость* въ жизни, первое ощущеніе удовольсшвія въ свѣжемъ, юномъ сущесшвѣ. О! какъ я помню эшо ушро! Пробужденная душа моя, почуя свободу, какъ пшичька

вылешѣвшая изъ клѣшки, весело смошрѣлась во всѣ предмешы; ловила и угадывала все, чшо предсшавлялось взорамъ.

Мы прошли множесшво улицъ. Все дивило меня, все щекошало любопышсшво, все разпаляло несшерпимую, но ошрадную жажду познавашь. Наконецъ мы осшановились у одного высокаго каменнаго дома; ,,здѣсь училище, Клеменшій! — ,,здѣсь шебѣ весело будешъ; шушъ множесшво ,,шакихъ же, какъ шы, мальчиковъ! Учись при- ,,лѣжно—и шебѣ будешъ хорошо, и всѣ полюбяшъ ,,шебя!" Вошъ слова, сказаныя мнѣ Якимомъ иванычемъ, когда мы всходили на высокую, крушую лѣсшницу—эшо была гимназія. Якимъ ив. привелъ меня къ начальнику, сказалъ: вошъ онъ! Тошъ ошвѣчалъ: очень хорошо!.. Як. ив. поклонился и ушелъ, а я осшался передъ начальникомъ.

Я былъ въ совершенномъ разсѣяніи: глаза не успѣвали обсмашривашь всѣ новые предмешы, кошорые имъ предсшавились въ кабинешѣ ученаго мужа... Я забылъ свою Шаболовку, азбуку, розги, буки азъ ба... Но начальникъ прервалъ мое раздумье—звономъ въ колокольчикъ. Явился сшорожъ,—сшарикъ, въ сѣромъ сершукѣ съ медалями, и съ почшишельносшію усшавился прошивъ начальника. ,,Проводи эшаго мальчика въ нижній классъ, сказалъ онъ, указывая на меня—и пригошовь для него кровашь въ маленькой комнашѣ..— Слушаю, ваше высокоблагородіе! сказалъ сшорожъ —и схваша меня за руку, повелъ, куда ему было

приказано. Я послѣдовалъ за нимъ съ покорностію ягненка.

Но довольно! довольно о дняхъ моего безцвѣтнаго младенчества. . . Зачѣмъ томишь память свою етими воспоминаніями, а васъ читатели, скучною повѣстію, занимательною только для одного меня... Но, вы мои родные—и я вамъ разсказываю все, такъ какъ разсказалъ бы виновникамъ моего бытія. . Я ихъ не знаю—не зналъ.. никогда не узнаю—и умру, никѣмъ не оплаканый—поговоримте же покуда, мои родные!

Я пробылъ 8 лѣтъ въ гимназіи. Учился—старался—догадывался. Во все ето время—ни разу я не видалъ ни Яким. ив., ни жены его: я не грустилъ о нихъ и не раздумывался—они вѣроятно еще менѣе заботились обо мнѣ. Начальникъ гимназіи, надзиратель и учитель также, непривлекали меня къ себѣ—и я очень равнодушно выслушалъ объявленіе, что послѣ наступающихъ екзаменовъ *меня выпустятъ*. . . Еслибъ кто нибудь, тогда, спросилъ меня: куда?.. Я удивился бы етому простому вопросу. Не имѣя понятія о родительскихъ ласкахъ и связяхъ родства, я выросъ круглымъ сиротою; но положеніе мое въ свѣтѣ не представлялось мнѣ ни жалкимъ, ни затруднительнымъ. Я смотрѣлъ на жизнь и свѣтъ безъ страха, безъ ожиданія дурнаго, или хорошаго, Оставленый съ младенчества на собственную волю, мнѣ должно было искать въ самомъ себѣ силы и совѣта, а потому я рано узналъ великую истину, что че-

ловѣкъ рожденъ для трудовъ, и что только посредствомъ трудовъ, можно сдѣлаться независимымъ отъ людей и ихъ прихотей. Трудиться, чтобъ быть независимымъ, не тратить времени на желанія и ожиданія—вотъ мои правила и теперь. Можетъ быть, я думалъ бы иначе, еслибъ судьба понѣжнѣе ввела меня въ міръ божій. . . Можетъ быть я, по слѣдамъ другихъ сталъ бы добиваться бригадирства, пенсій, крестиковъ. . Но природа мать, дала мнѣ спокойный характеръ,—и вотъ, отъ чего неощущаю *благороднаго стремленія* къ чинамъ и почестямъ! Мнѣ все равно!—Я ни мало не забочусь о томъ, что надъ могилою моей не будетъ означенъ годъ моего рожденія, чинъ, имя, отечество, фамилія, ордена, . . . Это карритурное утѣшеніе никогда не дурачило моего разсудка, и забавникамъ, гуляющимъ по кладбищамъ, не удастся прочесть мой формулярный списокъ, — очень нужный для потомства!

Мнѣ уже за 40 лѣтъ; но, благодаря моимъ понятіемъ, я ни одного раза еще не испыталъ припадковъ честолюбія. Чувствую, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ моей жизни,— и не жалѣю, ни о жизни, ни о чемъ, что остается въ етомъ свѣтѣ! Дни мои прошли и проходятъ однообразно и тихо. Я спокоенъ, но иногда приходитъ мнѣ на мысль странный вопросъ: для чего я былъ созданъ? за чѣмъ живу на етомъ свѣтѣ? — стоило ли труда родиться, чтобъ жить такъ, какъ я живу? Ду-

маю, думаю, и не зная, какъ распушашь цѣлый клубокъ вопросовъ : для чего? почему? на что? за чѣмъ? отъ чего? говорю въ свое утѣшеніе: я жилъ для того, чтобъ сочинишь новую рускую азбуку! и это рѣшеніе, разсѣкаетъ клубокъ вопросовъ моихъ, какъ мечь александровъ разсѣкъ гордіевъ узелъ. У всякаго свой конекъ, у всякаго свои затѣи, у всякаго барона своя фантазія. Моя, не баронская фантазія, не вредитъ никому; я увѣренъ даже, что она полезна: но объявить ее должно черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти.

Продолжаю мою повѣсть о себѣ. Екзамены кончились;—сказали, что я хорошо учился, дали мнѣ аттестатъ—и я вышелъ изъ училища! Я вышелъ! Куда же войти? Куда итти? Работать! работать! сказалъ я самъ себѣ (мнѣ было лѣтъ 15 или 16); но какую избрать работу? переписывать, или опредѣлиться въ книжную лавку въ сидѣльцы, или въ типографію, въ наборщики, корректоры? Тутъ вспомнилъ я, что, недалеко отъ домика Якима иваныча была типографія. Не теряя времени, я пошелъ туда.

Вошедъ на эту улицу, меня разсмѣшило воспоминаніе о розгахъ и азбукѣ. Мнѣ захотѣлось взглянуть на домикъ, гдѣ я узналъ жизнь, на дворикъ, по которому ползалъ.. посмѣяться надъ собою, съ Якимомъ ив., и его женою... и сказалъ я, невольно предаваясь раздумью: можетъ быть—тутъ узнаю что нибудь о род-

ныхъ своихъ. Иду. Вотъ типографія. . Гдѣ же домикъ Якима иваныча? Тамъ, гдѣ онъ стоялъ нѣкогда—пустырь; мѣсто заросло высокою крапивою; кой-гдѣ изъ-подъ ея жгучихъ листьевъ высовываются кирпичи, печные изразцы. . . Домъ сгорѣлъ. . . это ясно! Смотря на печальные остатки моего пріюта, я невольно задумался. . . Мнѣ стало грустно. . Казалось, что еще курился дымокъ въ кучѣ разбитыхъ кирпичей — и съ этимъ дымкомъ, изчезали навсегда мои веселыя мечты и утѣшительныя надежды!. Я вздохнулъ, поклонился печальному пожарищу какъ гробу знакомаго человѣка, и пошелъ въ типографію.

,,Что тебѣ надобно дружокъ? А?—спросилъ меня красноносый старичокъ въ затрапезномъ халатѣ. . А? Что тебѣ надобно? — Хозяина ,,типографіи, сударь?—Ну, я хозяинъ типогра-,,фіи, чтожъ тебѣ надобно?—Я ищу мѣста, су-,,дарь: не примете ли вы меня? — Да на какую ,,потребу? А?—Я могу быть наборщикомъ.—А въ ,,какой типографіи ты былъ прежде, дружокъ?— ,,Я, ни въ какой еще не былъ..—Такъ стало ты ,,ничего на знаешь, а мнѣ такихъ не надо.—Я су-,,дарь, скоро выучусь, могу быть и корректо-,,ромъ... Да кто ты? — Вотъ извольте посмот-,,рѣть!"

Онъ принялъ мой аттестатъ. . . . Хорошо! ,,корректора мнѣ нужно, да ты молодъ, дру-,,жокъ! . . . — Постарѣю, сударь,—Гдѣжъ ты жи-,,вешь?—Нигдѣ, сударь!

О! какъ мнѣ стало горько! Первый человѣкъ, которому предложилъ я свои услуги, не милосердо далъ мнѣ почувствовать мое ничтожество — — жестокій, грубый человѣкъ! Видя, что я бѣднякъ безприютный, онъ холодно сказалъ мнѣ еще разъ: мнѣ тебя не нужно, дружокъ! ступай съ Богомъ!" — Онъ зналъ варваръ, что я изъ одного хлѣба рѣшусь служить у него. „Прощайте! сказалъ я, и пошелъ, но онъ воротилъ меня. „Мнѣ тебя жаль—останься у меня— „я принимаю тебя къ себѣ: ты мнѣ понравился, „дружокъ! Ступай же теперь за своими пожитками и перевозись.—За какими пожитками? Кого „перевозить? спросилъ я, смотря на содержателя типографіи.—„Ну, свое имѣніе ——Оно все „со мною, сказалъ я.—Какъ? у тебя ничего нѣтъ:— „Все, что я имѣю, со мною!" сказалъ я, и не постигалъ, чего еще надобно, когда я одѣтъ?

Я поселился въ типографіи. Сталъ набирать, печатать, читать корректуру,—и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная—за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ апетитъ, всѣмъ разслабленымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика. Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно.

Въ етой типографіи я пробылъ два года: работалъ какъ лошадь, не получая жалованья; довольствовался самою постною пищею и сверхъ своей должности, отправлялъ разные

домашнія рабошы, какъ що: караулилъ садъ, счишалъ куръ, ходилъ на рынокъ за провизіей, носилъ на почшу письма и посылки и пр. Однажды я попросилъ жалованья — и мнѣ указали двери, сказавъ: съ Богомъ! — Я поклонился, поблагодарилъ за всѣ милосши, и перешелъ въ другую шипографію. Наконецъ, 22 года, посшоянно занимаясь при разныхъ шипографіяхъ, я кое-какъ накопилъ ошъ осшашковъ жалованья, пяшь шысячь рублей и — приобрѣлъ обширное знакомсшво. Всѣ московскіе ученые, поешы, переводчики, библіоманы, книгопродавцы, компилашоры, разносчики книгъ, бумажные фабриканшы, — всѣ любили меня, и сшарались помогашь въ моихъ нуждахъ. Многіе совѣшывали мнѣ завѣсши свою шипографію — но я предпочелъ книжную шорговлю, и сдѣлался продавцемъ произведеній россійскихъ писашелей и переводчиковъ. Конечно, имѣшь шипографію выгоднѣе — но въ 22 года, мнѣ шакъ надоѣлъ скрипъ сшановъ, глухой звукъ лишеръ, чшо я, и шеперь обхожу шѣ улицы на кошорыхъ есшь шипографіи. Сверхъ шого, я очень не доволенъ нашими шипографіями: какъ много надобно и времени и шрудовъ, чшобъ довесши ихъ до козможнаго совершенсшва! Руская азбука, форма лишеръ, шакже, шребуюшъ большихъ преобразованій! Всякой разъ, набирая какую нибудь книгу, я думалъ о улучшеніи лишеръ азбуки: вмѣсшо ошдыха, послѣ рабошы, чершилъ формы буквъ, или задумывался надъ безшолковой аз-

букой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ, и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли, и предположенія о литерахъ и азбукѣ—вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти. . . .

Кочевая жизнь книгопродавца, ѣздящаго по ярмонкамъ мнѣ очень нравилась. . . Чуждый всѣмъ людямъ, не стесненый въ волѣ своей, я прокочевалъ бы всю жизнь—но въ прошедшемъ году, возвращаясь изъ Ростова, я простудился—закашлялъ—и благодарю Ивана давыдовича моего лѣкаря, теперь едва дышу. Въ утѣшеніе мое, онъ объявилъ мнѣ что у меня изнурительная чахотка. И такъ, въ ожиданіи вѣрнаго спутника ея, смерти, спокойно смотрю на жизнь свою, безбурную, безцвѣтную—и утѣшаюсь мыслію, что прожилъ и живу какъ добрый человѣкъ! Не страшусь смерти и суда божія! . Я былъ типографщикомъ — но зарабатывалъ свое жалованье трудами тяжелыми, изнурительными. Я былъ книгопродавцемъ—но авторы и переводчики любили меня: я неругался надъ ихъ бѣдностію, не скупалъ за безцѣнокъ ихъ сочиненій, не бралъ по 20 и 25 проц. за коммисію какъ мои товарищи, а довольствовался 5-ю процентами!

Я былъ знакомъ со всѣми типографщиками но ни съ однимъ не имѣлъ тайныхъ сношеніи: не покупалъ отъ нихъ за пятую часть цѣны сочиненій, отпечатанныхъ тайно отъ хозяина книги—и называемыхъ дефектами!

Я переходилъ изъ типографіи въ типографію потому, что немогъ равнодушно видѣть плутней факторовъ, припечатывающихъ въ свою пользу по 500 и 600 екземпляровъ чужаго сочиненія. . . .

Я не перепечатывалъ старинныхъ книгъ, и не поддѣлывалъ старинныхъ буквъ.

Желаю, чтобъ всѣ типографщики и книгопродавцы думали, и поступали такъ какъ я: тогда книжная торговля наша распространится потому что будетъ основана на взаимномъ довѣріи, на честности. Еще надобно прибавить,

---

Что хотѣлъ прибавить Клементій акимовичъ остается неразрѣшимою загадкою, потому что, напасавъ: еще надобно прибавить, онъ опрокинулся на спинку стула. . . перо выпало изъ рукъ его, и смертъ убавила его изъ числа живыхъ.

Прилагаемый портретъ писанъ на кости, извѣстнымъ художникомъ при московскомъ университетѣ Николаемъ сергѣевичемъ Гребенкинымъ, въ 1802-мъ году.

К. Я. ХАБАРОВЪ

— 5 —

УСОВЕРШЕНСТВОВАНАЯ
РУСКАЯ АЗБУКА

или

СРЕДСТВА ОБЛЕГЧИТЬ ИЗУЧЕНІЕ ОНОЙ И СПОСОБЪ СОКРАТИТЬ ЧИСЛО РУСКИХЪ БУКВЪ, ПОЯСНЕННЫЕ ПРИМѢРАМИ.

Сочиненіе

К. А. ХАБАРОВА

ОТСТАВНАГО КОРРЕКТОРА.

БУТЫРКИ.

1800 года Генваря 5 дня.

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius.

HORAT.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я провелъ 22 года у станковъ типографскихъ, передъ кассами литерными, и читая корректуру. Еслибъ разсудокъ мой не работалъ въ то самое время, когда я прикладывалъ литеру къ литерѣ, сверстывая полосы, и сравнивая напечатаное съ оригиналомъ, я сказалъ бы, что эти 22 года,—я проспалъ, и видѣлъ, одинъ сонъ, однообразный и утомительный. Машинальная работа типографская не совсемъ придавила мой разсудокъ. Правда, сначала, я набиралъ литеры какъ и всѣ прочіе на-

борщики, — работалъ одними глазами и ручною памятью; безъ малѣйшаго вниманія къ тому что̀ набираю, не думая о возможности сдѣлать эту работу простѣе.

Мысль о возможности улучшенія руской азбуки, представилась мнѣ, когда я сталъ набирать съ одной рукописи, въ которой авторъ изключилъ Ѣ, и *И*. То была рукопись профессора Барсова *.

Я сталъ изыскивать средства усовершенствовать нашу азбуку, — и вотъ слѣдствія моихъ думъ, и соображеній.

---

* См. Москов. журналъ 1792 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О теперешней руской азбукѣ, и способъ улучшить оную.

---

§ 1. Вѣ руской азбукѣ теперь считается 35 буквѣ:

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, э, ю, я. ѳ, ѵ.

§ 2. Сколько же безполезныхѣ буквѣ! а недостаетѣ нужныхѣ, слышимыхѣ вѣ разговорахѣ.

Безполезныя: і, щ, ѣ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ.

Нужныя: ю̂, й.

§ 3. По моему мнѣнію для рускаго языка нужныя только 27 буквѣ.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, ы, ю, я.

Етихѣ 27 буквѣ достаточно, чтобѣ выразить посредствомѣ ихѣ всякое руское слово.

§ 4. Я сказалъ что у насъ недостаетъ двухъ буквъ: ю̂, и й. Въ моей азбукѣ онѣ не нужны: е, съ двумя точками на верху замѣнитъ ю̂, а знакъ ˘ надъ а, е, и, о, у, ы, ю, я, замѣнитъ й. На примѣръ, вмѣсто того, чтобъ писать: подай—понятно если напишете подă; — вмѣсто: поскорѣй, поскорĕ — вмѣсто: свой, свŏ—вмѣсто: пожалуй, пожалў—вмѣсто: кроткій, кроткĭ — вмѣсто: вою̆й, вою̆—вмѣсто: валяй, валя̆.—

§ 5. Такимъ образомъ, вся азбука руская можетъ состоять изъ 27 буквъ, 19 согласныхъ и 8 гласныхъ.

Я говорю: 8 гласныхъ, вотъ почему:

У насъ принята жестокая, затруднительная для ребенка метода означать *буквы, цѣлыми складами*. Но буква есть знакъ — знакъ долженъ быть краткъ, и тотчасъ понятенъ *. Что можетъ быть оскор-

---

* Буква есть изображеніе *начальнаго звука*, служащаго къ составленію слова, говоритъ Гречь.

бительнѣе для человѣческаго понятія какъ наши: азъ, буки, веди, глаголь, добро, есть? Бѣдный ребенокъ! Чтобъ сложить слово ангелъ, заставляютъ его произносить: азъ, нашъ, глаголь, есть—анге, люди—еръ—ангелъ! Ужасно! надобно ангельское терпѣніе для учителя, и ангельскую понятливость ученику, чтобъ ладить съ этою азбукою. **

§ 6. Вотъ простой, и понятный способъ означать буквы.

А,	Б,	В,	Г,	Д,	Е,	Ж,	З,	И,	К,	Л,
а	ба	ва	га	да	е	жа	за	и	ка	ла
М,	Н,	О,	П,	Р,	С,	Т,	У,	Ф,	Х,	
ма	на	о	па	ра	са	та	у	фа	ха	
Ц,	Ч,	Ш,	Ы,	Ю,	Я. ***					
ца	ча	ша	ы	ю	я.					

** Писано въ 1800 году.

*** И Французы учатъ теперь уже не ефъ (F), а фе; не ель (L) а ле,—не емъ (M) а ме; не енъ (N) а не и т. д. что гораздо ближе къ звуку буквы, и понятію ребенка.

Примѣчанія Евгенія Третейскаго 1828 года.

§ 7. Если произносить буквы таким образом выдет что у нас 8 букв гласных: а, е, и, о, у, ы, ю, я, а остальныя 19 согласныя.

Етот простой способ означать буквы, без всякаго сомнѣнія цѣлыми мѣсяцами ускорить обученіе ребенка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О безполезныхъ буквахъ въ руской азбукѣ.

---

§ 8. Безполезных букв в руской азбукѣ считаю 8: именно і, щ, ь, ъ, ѣ, э, ѳ, ѵ.

§ 9. Постараюсь доказать ето.

I. В произношеніи вы не различаете і от и,—Іоанн, Иоанн—Іона, Иона — Іерусалим, Иерусалим — звук тот же! Но і употребляется у нас при окончаніи имен прилага-

тельныхЪ: великій, одинакій, кривобокій. . . . КакЪ вы ихЪ напишете безЪ і? Я замѣню ее знакомЪ ˘ надЪ и,—и буду писать великй, одинокй, кривобокй.

Но какЪ различимЪ на примѣрЪ міръ, отЪ мира?—По смыслу! РазвѢ мы неразличаемЪ множества словЪ которые пишутся одинаково на пр. градЪ—ключь—ломЪ—икра—змѢй—покой,—бубны и т. п.

§ 10. *Щ*. Произнося эту букву мы слышимЪ что она состоитЪ изЪ С, и Ч, или изЪ Ш, и Ч. Многіе уже начали писать: счастіе, счетЪ, считалЪ * вмѢсто щастіе, щетЪ, щитать. Да и всѢхЪ словЪ у насЪ не найдется семидесяти начинающихся сЪ щ—и если эту букву исключить изЪ нашей азбуки мы ничего не потеряемЪ, ибо можемЪ замѣнить ее С и Ч или Ш Ч. Дайте

* Теперь всѣ такъ пишутъ.

Прим. Евгенія Третейскаго 1828.

мнѣ любое слово гдѣ слышно щ, или которое начинается съ щ, и я вамъ напишу посредствомъ с и ч, или ш съ ч.—*Ешче ; шчелкать—счетина—счолокъ—счупъ*—не то ли же самое что: еще, щелкать, щетина, щелокъ, щупъ? . . . Но обыкновеніе,—но глаза наши, которые присмотрѣлись ко всѣмъ етимъ буквамъ! Милостивые государи! . . Господь Богъ даровалъ намъ разсудокъ—а не одни глаза!

§ 11 Ъ. Вотъ буква, которая зашла въ рускую азбуку Богъ знаетъ для чего! —« Какъ? она необходима, ета буква Ъ говорятъ нѣкоторые старовѣры.. Какъ написать безъ Ъ, объявленіе, объясненіе, изъясненіе, изъявленіе?— Вотъ какъ милостивые государи! Об,явленіе,— об,ясненіе—из,ясненіе —из,явленіе! — Вамъ ето не нравится? Можно иначе: об-явленіе— из-ясненіе — об-ясненіе, — и ето не хорошо? — Такъ вотъ еще средство об'явленіе, — из'ясненіе — из'явле-

ніе — ... Хоть изъ економическихъ видовъ согласитесь милостивые государи!.. Сочтите на досугѣ, сколько сбережется времени, бумаги, свинцу, чернилъ, безъ етаго безполезнаго Ъ. . А что онъ, въ окончаніи словъ совершенно безполезенъ, о томъ никто не споритъ. За чѣмъ же держать тунеядца?

§ 12. *Ь*. Ето не буква, ибо означаетъ только звукъ слышимый нами отъ сліянія разныхъ буквъ — ... За чѣмъ же давать ему право гражданства въ руской азбукѣ? Не прикажете ли его замѣтить знакомъ ^ и писать вмѣсто: пѣнь, тѣнь, сѣнь, ѣхать, скакать, играть, вотъ такимъ образомъ: пен̂, тен̂, сен̂, лен̂, ехат̂, скакат̂, играт̂?

§ 13. *Ѣ*. Вотъ еще буква—безполезная; но которая, какъ пронырливый лицемѣръ, или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась, не только нужною,

но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять.... а етаго-то... никто не знаетъ! Ѣ, совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите *Ѣ*, во всѣхъ тѣхъ словахъ въ которыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благодаримъ! слѣдов. чтобъ писать по руски надобно ѣхать въ Малороссію, или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина, для справокъ?.. Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшительно вопіютъ: пишите *Ѣ* въ словахъ: гнѣздо, пріобрѣлъ, блѣдный, мѣлъ, свѣтъ, рѣка, мѣсяцъ... Но почему? за чѣмъ? Развѣ меня непоймутъ если я напишу: приобрелъ, бледный, мелъ, светъ, река, месяцъ? Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ *Ѣ*? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣю-

щихъ уже букву *Е*, нужно еще *Ѣ*?..... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали— такъ пишутъ всѣ граматные — но будто ето доказательство? Я говорю: *сегодня, я поѣду въ театръ*.. и изображаю буквами ети слова, и они понятны всякому если я напишу: сегодня, я поеду въ театръ—равно понятно было бы, еслибъ я написалъ и такъ: сѣгодня, я поѣду въ тѣатръ! Скажу: веденіе—напишу веденіе, или вѣдѣніе—все равно! Къ чему затруднять доступъ къ благодѣтельному источнику изъяснять свои мысли посредствомъ знаковъ? Чѣмъ ихъ менѣе—тѣмъ лучше—чѣмъ они простѣе—тѣмъ скорѣе они затверживаются!

При томъ, мы узнаёмъ языкъ прежде граматики—граматика составилась тогда, какъ образовался языкъ.. Зная языкъ, мнѣ не нужно отличительныхъ знаковъ, которые бы не-

смѣшали въ моемъ понятіи различныхъ словъ пишущихся одинаково. Я пойму и всякій пойметъ что *хочу есть* значитъ: я хочу кушать! какъ бы я ни написалъ ето. — Ломъ въ костяхъ,—и ломъ желѣзный — миръ съ Персіянами, и миръ Божій...ключь отъ дверей, и ключь воды....Нужно ли тутъ для рускаго: I чтобъ отличить міръ Божій отъ мира съ Персіянами—и Ѣ, чтобъ понятно для другихъ сказать: я хочу ѣсть!

«Но, стало быть, скажутъ нѣкоторые изъ нашихъ грамотеевъ, етотъ Хабаровъ, хочетъ совсемъ уничтожить правила правописанія? Какъ? исключать изъ нашей азбуки: I, Щ, Ъ, Ѣ, и особенно нашу любезную Ѣ, вывѣску нашей учености, букву, которую мы едва узнали примѣчая за нею 20, 25 лѣтъ? — Нѣтъ милостивые государи! высокоученые господа! Хабаровъ думаетъ, что и безъ Ѣ, ос-

шанется много труда, желающимъ правильно писать по руски; ваша ученость всегда будетъ нужна! Мы говоримъ, или произносимъ слова, совсемъ не такъ какъ требуетъ того правописаніе; говоримъ: Бохъ, жизь, харашо, чюдесно, прашу, хочетца,... а пишемъ по законамъ грамашики (ибо грам. учитъ правильно писать а не говорить): Богъ, жизнь, хорошо, чудесно, прошу, хочется!..—Что *именно такъ* должны писаться ети слова—есть доказательства, и никто съ вами о томъ неспоритъ—но за чѣмъ причислять къ правописанію, употребленіе буквъ I, и Ѣ, когда у насъ есть, И и Е, которыми можемъ изъяснить все безъ помощи I и Ѣ? Но Французы, но Англичане?—ихъ писаніе гораздо мудренѣе выговора: Французы имѣютъ е, а пишутъ ai что равно *E*—у Англичанъ тоже есть *I*, а они часто замѣняютъ его двумя е (EE)...

Милостивые государи!. за чѣмъ сравненія?.. они не доказательства! И Французы, и Англичане, невыйгрывают отъ того, что ихъ орфографія затруднительна, збивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ руских, если наша азбука, и способъ правильно выражать буквами свои мысли—простъ, понятенъ, и ясенъ! Ето не порокъ—а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученою Европою!

§ 14. *Э*. Въ рускомъ языкѣ нѣтъ словъ для Э, а иностранные слова выучиваются не по рускимъ азбукамъ —*Ей! етотъ, ехъ, екой*. . вотъ всѣ рускіе слова которые угодно нашимъ грамате ямъ писать посредствомъ Э!. Но за чѣмъ Э? Говоря по руски, я знаю какъ говорить *ей*, *етотъ, ехъ!* безъ *Э*! — Акакъ отличить поэта, отъ поетъ? я хочу сказать: поэтъ поетъ—ето понятно; а если оба слова будутъ написаны

сѣ, Е какъ ихъ различить? Вотъ какъ: поетъ, поётъ.

§ 15. *Θ.* Руские произносятъ *Θ* какъ *Ф.*—Θедоръ—Федоръ, Θивы—Фивы Θедотъ—Федотъ.—Но грамматическая полиція вопиетъ: „ *Ф* пишется „ только въ рускихъ словахъ—а въ ино- „ странныхъ, Ф пишите тамъ, гдѣ у „ Французовъ или Римлянъ f, и ph!— (Прекрасное — удовлетворительное правило!)—Θ, употребляется только „ въ словахъ принятыхъ нами отъ „ иностранцевъ и замѣняетъ th!.... „ Ergo—приказываемъ писать: фере- „ зи, фита,—французъ, физика фун- „ даментъ, фыркать—θеатръ, Θео- „ доръ, Θивы, Θедотъ! .... Но если мы осмѣлимся написать Федоръ, Федотъ, Фивы? Какое зло произойдетъ отъ того?.. И будто мы обязаны писать Θ, для того чтобъ означить ею, слова пришедшія къ намъ изъ Греціи? Чему же намъ учиться прежде: руской грамотѣ, или греческому, латин-

скому, французскому и шатарскому языкамЪ?...Довольно что нашЪ Ф, выговаривается нами шочно шакЪ какЪ Ѳ...и намЪ не надобно ее! Будемъ писашь ФедорЪ, Фивы, Фезей, ФеашрЪ... н насЪ поймушЪ руские чишашели!

§ 16. *Ѵ*. Благодаря здравому разсудку Ѵ изшреблена—ее не употребляюшЪ—но она все еще шорчишЪ вЪ руской азбукѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Примѣры рускаго правописанія, въ которыхъ нѣтъ і, щ, Ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ.

§ 17. Вотъ нѣсколько примѣровъ, которые яснѣе покажутъ мои мысли.

Всѣ примѣры выписаны изъ Московскаго журнала 1792 года, изданнаго Г. Карамзинымъ.

1.

Видение мурзы.

На темноголубом ефире
Златая плавала луна;
В серебрянѡ своѐ порфире
Блистаючи, с' высот она,
Сквоз окна дом мѡ освесчала,
И палевым своим лучем
Златыя стекла рисовала
На лаковом полу моем.

2.

Деятелност̂ ест̂ наше определение. Человек не может быт̂ никогда совершенно доволен обладаемым, и стремится всегда к′ приобретениям. Смерт̂ застает нас на пути к′ чему нибуд̂, что мы есче имѣт̂ хотим. Дӑ человеку все, чего он желает: но он в′ ту же минуту почувствует, что ето все, не ест̂ все.

3.

Глаз по своему образованию не может смотрет̂ на себя без зеркала. Мы видим себя толко в′ других предметах. Чувство бытия, личност̂, душа, все сие сусчествует толко потому, что вне нас сусчествует—по феноменам или явлениям которыя (кажется) до нас касаются.

КОНЕЦЪ.

